

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

Представим себе монографическую работу о Глинке, в которой об «Иване Сусанине» и «Руслане» было бы сказано бегло и поверхностно, или аналогичную работу о Репине, где столь же торопливо и необходимо было бы сообщено о таких картинах великого художника, как «Бурлаки», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали» и др. Каждый скажет, что подобные «монографии» вряд ли возможны. Но вот о писателях такие книжки пишутся и издаются. Примером может служить книга о Гоголе, написанная проф. Н. Водовозовым.

О создании «Ревизора» в книжке говорится так: «В это время Гоголь работал над комедией «Ревизор», которая отчасти (?) заменила для него неосуществленный замысел «Владимира 3-й степени». Это тоже (?) была комедия с «правдой и злостью». (Подчеркнуто мною. — Н. П.). Дальше на трех страничках рассказывается о первой постановке «Ревизора» и о том, как реагировали на нее публика и пресса. И это все. О том, что такое «Ревизор», чем знаменита эта комедия, каково было ее общественное значение и какое место занимает она в истории русского театра, — не сказано ни слова.

«Мертвым душам» отведена, правда, отдельная глава, но большая часть ее занята сообщением о цензурных мытарствах, которым подверглась знаменитая поэма при первом ее печатании; о самой же поэме сказано очень мало и, во всяком случае, явно недостаточно для того, чтобы читатель мог получить надлежащее представление о ней и об ее общественном и историко-литературном значении.

Из «Вечеров на хуторе» назван лишь «Басаврюк или Вечер накануне Ивана Купала» и не упомянуты ни «Сорочинская ярмарка», ни «Ночь перед Рождеством», ни «Майская ночь».

Из петербургских повестей приведена лишь «Шинель», и то мельком, без выяснения значения этой повести, о которой Достоевский говорил, что из нее вышли все последующие русские писатели. Так же мельком упомянуты «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», причем персонажи обеих повестей свалены в одну кучу, как беспросветные пошляки (бедные Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна!). «Женитьба», предвосхитившая драматургию Островского и до сих пор не сходящая со сцены, в книжке не названа, не упомянута и «Коляска», которую Лев Толстой считал «лучшим произведением его (Гоголя) таланта». Лишь о «Тарасе Бульбе» сказано более или менее обстоятельно.

Как это ни анекдотично, но в этой общей работе о Гоголе, на всем ее 120-страничном протяжении, ни разу не употреблены такие слова, как реализм, критический реализм, натуральная школа, юмор, сатира, романтика. Очень слабо использованы высказывания о Гоголе Белинского, Чернышевского и других классиков литературной критики, и совсем не определено то место, какое занимает Гоголь в истории русской литературы.

Чем же, в таком случае, заполнена книжка? А вот чем: довольно подробно говорится о предках и родителях Гоголя; подробно рассказано о неудачной попытке его стать актером; с почти исчерпывающей полнотой названы все второстепенные и ранние произведения Гоголя, вплоть до отроческих проб пера, от которых уцелели одни лишь заглавия; с непропорциональной для небольшой книжки обстоятельностью сообщается о заграничных скитаниях Гоголя, о путешествии его по «святым местам», о встречах с русскими и иностранными писателями; довольно подробно говорится о книге «Выбранные места из переписки с друзьями», хотя все ценное, что в ней есть, — обойдено (например, статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Обойдена и «Авторская исповедь».

Никак не раскрыты величия Гоголя, как писателя, проф. Водовозов подробно описывает Гоголя-историка, и любопытно, что

глава, в которой он делает это, называется «В расцвете творчества». При этом автор приводит два неожиданных утверждения. Оказывается, Гоголь «в теоретическом отношении был подготовлен не хуже большинства современных ему русских и западных историков» и прекратил преподавание в университете только потому, что его «философия истории... была совершенно неприемлема для официальной исторической науки в николаевскую эпоху». «Неосведомленный» читатель может вообразить, что Гоголь был не столько писатель, сколько ученый историк и притом «левого» направления.

Кстати, об этой политической «левизне» Гоголя. Автор правильно делает, что подчеркивает патриотизм Гоголя и его высокую гражданственность, отмечено в книжке и то, что творения Гоголя имели революционизирующее влияние на умы читателей. Но автору этого мало, и он начинает приписывать Гоголю то, чего в нем не было, а именно — субъективную близость его к революционной идеологии. Так, в первой же главе, где речь идет об ученических годах Гоголя читателю подсказывается мысль, что события 14 декабря произвели на будущего писателя чуть ли не такое же действие, какие произвели они, скажем, на Герцена. Там, где рассказывается об итальянских годах Гоголя, делаются прозрачные намеки на близость его к революционному сообществу «Молодая Италия». А затем вдруг — встреча Гоголя с какими-то католическими патерами (на вилле у княгини Зинаиды Волконской), которые взялись за его «обращение», и в результате бывший «почти революционер» становится мистиком и политическим консерватором. Какое путанное и вульгарно-упрощенное представление внушается читателю о личности великого русского писателя и о его душевной трагедии!

Справедливость требует сказать, что в книжке есть десятка два страниц, которые должны в ней быть: о «Тарасе Бульбе», о Руси-тройке, о том, как работал Гоголь над своими произведениями (переписывая их до восьми раз), о том, как потрясла его смерть Пушкина и др. Следует признать, что и остальные сто страниц «восемнадцатый» читатель пробежит не без пользы для себя: он почерпнет в них немало дополнительных сведений и по Гоголю и по Гоголю. Для материала, какой книжка преимущественно в себе содержит, наиболее подходящим был бы тот бесплодный жажд, который культивируется с некоторых пор на страницах «Огонька» под рубрикой «Знаете ли вы...». Например: знает ли вы, что один из предков Гоголя сражался вместе с польским королем Яном Собеским против турок под стенами Вены? — что матери Гоголя, когда она вышла замуж за его отца, было всего 14 лет? — что первым произведением Гоголя была повесть «Братья Твердиславичи»? — что на первом представлении «Ревизора» присутствовал баснописец Крылов? — что Николаю I больше всего понравился в «Ревизоре» помещик Добчинский и Бобчинский? — что однажды на именинах Гоголя был Лермонтов? — что однажды на пароходе Гоголь познакомился с известным французским писателем Сент-Бевом? — что на одном из первоначальных эскизов известной картины А. Иванова «Явление Христа народу» можно видеть фигуру Гоголя в позе грешника? — что набросок Гоголя «Ночи на вилле» посвящен памяти его молодого друга Иосифа Вильгоровского? — что образцом для «Выбранных мест из переписки с друзьями» могла послужить книга Сильвио Пеллико «Обязанности человека»? — что Гоголь был знаком с художником Айвазовским? и т. д. и т. п.

Но рецензируемая книга все-таки задумана как популярная монография и включена в серию «Великие русские люди», а потому поток всех этих и подобных им вопросов резонно перебить одним существенным вопросом, обратив его в упор к проф. Н. Водовозову и редактору его книжки В. Сафонову: — А знаете ли вы, что свое право на титул великого человека Гоголь стяжал «Ревизором», «Мертвыми душами», «Шинелью» и еще многими другими своими произведениями, которые давным-давно вошли в золотой фонд русской классической литературы, но о которых в вашей книжке о Гоголе, обращенной к широкой молодежной аудитории, или совсем ничего не говорится или же говорится очень мало?